

— Говорять, надо много времени, чтобъ влюбиться... А я влюбился сразу. Приѣхалъ домой и — что за оказія? — куда ни гляну, все вижу милочку съ чудесными глазками. Плохо, думаю.

— Неужели подумалъ, что „плохо“?

— Тысячу разъ подумалъ... Вѣдь я же не зналъ, что и ты меня... А нераздѣленная любовь — избави Богъ!

Раиса невольно вспомнила о погибшемъ букетѣ азалій.

— Скажи, а ты скоро меня полюбила?

Она улыбнулась и покраснѣла.

— Нѣтъ, Одея.

— Неужели?

— Чтожъ, за то любовь моя прочнѣе твоей.

— Какъ? ты думаешь, что я тебя меньше люблю, чѣмъ ты меня?

Начались взаимныя увѣренія въ любви. Новобрачные клялись, что никогда не ослабѣетъ ихъ любовь. Ихъ губы горѣли отъ жажды поцѣлуевъ, и они смотрѣли другъ другу въ глаза. Но сумракъ, царившій въ вагонѣ, казался имъ яркимъ свѣтомъ — они стыдились, что такъ свѣтло, и не смѣли цѣловаться.

Разговоры стихали по временамъ и смѣнялись продолжительнымъ молчаніемъ, во время котораго Оедоръ Игнатьичъ гладилъ руку жены, а она склоняла ему на плечо голову. Потомъ опять начиналась бесѣда, и купе оглашалъ смѣхъ молодыхъ людей. Оедоръ Игнатьичъ, по обыкновенію, изображалъ въ лицахъ знакомыхъ; досталось и Варварѣ Тихоновнѣ, и Аннѣ Николаевнѣ, и ея мужу, и Никодиму Павловичу. Когда дошло до косноязычной дочери генерала Платонова, Раиса залилась истерическимъ хохотомъ.

Въ часъ ночи имъ захотѣлось ѣсть. Оедоръ Игнатьичъ приказалъ подать въ купе чаю и пирожковъ.

Передъ свѣтомъ ихъ стало клонить ко сну. Оедоръ Игнатьичъ задернулъ синей ширмочкой овальный фонарь въ потолокъ. Онъ легъ первый. Раиса приготовила постель на своемъ диванѣ и сказала вполголоса:

— Ты же не смотри, Одея.

Она хотѣла ослабить шнуровку, но не рѣшилась на это. Она заснула, прикрывъ пледомъ ноги.

Когда новобрачные проснулись, было ясное солнечное утро. Поѣздъ стоялъ. Какая это станція? Оедоръ Игнатьичъ высунулся изъ окна.

— Это Сосновка... Раиса, ты не спишь? Черезъ полчаса мы будемъ дома.